

М. В. ЛАВЧЕНКО

ВЕНЕТЫ И ПРАСИНЫ В ВИЗАНТИИ В V—VII ВВ.

До появления работы Ф. И. Успенского „Партии цирка и димы в Константинополе“ все византилисты XVIII—XIX вв. (Гиббон, Фридлендер, Вилькен, Рамбо) отрицали связь партий цирка с политическими движениями и доказывали, что борьба венетов и прасинов не имела социально-политических оснований, что венеты и прасины были только факциями ипподрома.¹ Даже такой серьезный историк, как Рамбо, писал: „Был вопрос о том, не скрывают ли эти партии что-нибудь более серьезное и важное. Позволительно в этом сомневаться; народ византийский мало заботился о внутренней и внешней политике... он занимался более возницами. Партии цирка — это только беговые общества, клубы. Основа игры — самолюбие“.² Ф. И. Успенский на основе, главным образом, позднего источника („Церемоний“ Константина Порфирородного) первый доказал, что „цирковые партии не были только спортивными организациями, что они имели гражданские и военные функции и были организациями народа“.³ После работы Успенского нельзя уже было отрицать политическое значение за димами и цирковыми партиями. Однако и в новейших общих трудах по византийской истории вопрос о социальной основе цирковых партий и их борьбы обычно оставляется в стороне. У Хольмса, Нормана Байнеса, Ш. Дилля, Иорги, Ренсимена мы имеем утверждения, что „димы были последним отзвуком древнегреческих демократий, которые ассоциировались с цветами

¹ Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи, ч. IV, М., 1894, стр. 321; Фридлендер. Картины из бытовой истории Рима, Изд. Брокгауза и Эфрона. СПб., 1914, стр. 515; Wilcken. Hist. phil. Kl. Berlin, 1939, S. 217; A. Rambaud. Le monde byzantin, Revue de deux Mondes, 1871, т. 91, р. 761—793; Idem, Etudes sur l'histoire byzantine, Paris, 1912, р. 3—61.

² Le sport et l'hippodrome à Constantinople, Paris, 1912, р. 7.

³ Византийский Временник, т. I (1894), 1—61.

Римского цирка,¹ что собрания ипподрома были субститутом исчезнувших комиций, убежищем свобод римского народа;² что „факции цирка обратились мало-помалу в большие народные партии“;³ что они представляли собой „могущественные самоуправляющиеся муниципальные корпорации“, причем „голубые и зеленые принимали прямо противоположные точки зрения в политике“.⁴ Но на вопрос о том, за что именно и почему факции боролись и что их разделяло, мы в лучшем случае узнаем, что одни были монофизитами, а другие — православными.

Первую серьезную попытку раскрыть социальную основу цирковых партий сделал сербо-хорватский ученый Манойлович, работа которого, написанная еще в 1904 г. на хорватском языке, стала широко известна только с 1936 г., когда в журнале „Byzantion“ она была напечатана на французском языке.⁵ Исходя из установки Ф. И. Успенского и развивая некоторые наблюдения Рамбо, Манойлович доказывает, что факции были „настоящими народными партиями, что различия цветов имеют в основе классовые различия, как это видно из территориального распределения цирковых партий по богатым и бедным кварталам столицы: голубые — высшие классы — землевладельческая аристократия, зеленые — торговцы, промышленники; рабочие — низшие классы.“⁶ Эта теория принимается в ряде новейших специальных исследований о димах: например, в работе Ивонны Янсенс — о времени Маврикия, Фоки и Ираклия⁷ и Братиану — о византийской демократии.⁸ Эта теория, получившая значительное распространение в западноевропейской византистике, все же далеко не является общепринятой. Так, Острогорский в своей „Geschichte des Byzant. Staates“, которая должна была представлять сводку последних достижений западноевропейской византистики, пишет: „Теория Манойловича о том, что партия зеленых представляла социально-низшие слои населения, а партия голубых охватывала аристократическую часть, очень слабо обоснована... Лежащее в основе этой теории положение, что голубые жили в центре,

¹ W. S. Holmes. The age of Justinian and Theodora. London, 1905, p. 98—99.

² Norman H. Baynes, The Byzantine Empire, London, 1925, p. 31—32.

³ N. Jorga, Histoire de la vie byzantine, Bucarest, 1931, p. 153, 148.

⁴ St. Runciman, Byzant. Civilisation, London, 1933, p. 71—72.

⁵ S. Manojlovič, Le peuple de Constantinople de 400 à 800 après J. C. Byzantion, 1936, XI, 2, p. 617—716.

⁶ Manojlovič. Le peuple de Constantinople, *ibid.*, 4, p. 641—643, 669.

⁷ Iv. Janssens. Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phocas et Heraclius, Byzantion, 1936, XI, 2, p. 496—536.

⁸ J. Bratianu, Empire et „democratie“ à Byzance, B. Z., 1937, 1, p. 81—111

а зеленые на периферии Константинополя, означает немного и, как доказательство, имеет тем меньший вес, что оба дима распались на городские и пригородные организации — *πολιτικά καὶ περὶτικὰ μέρη*.

Против правильности теории Манойловича говорит то, что голубые поддерживали Фоку, что было бы невозможно, если бы они действительно представляли аристократические слои населения¹.

Необходимо все же признать, что работа Манойловича открывает новую страницу истории цирковых партий. Манойлович правильно констатирует, что в основе различных партий лежали классовые различия (стр. 642), что иногда борьба голубых и зеленых принимает вид настоящей классовой борьбы и гражданской войны (стр. 705—706); он первый показал, что „голубые“ и подчиненные им белые — аристократы, что „зеленые“ и подчиненные им „красные“ — более демократическая, состоящая из торговцев, промышленников, ремесленников, моряков, часть населения империи. Но Манойлович, как правильно указал профессор А. П. Дьяконов, не устанавливал никакого различия между димами, действительно народными организациями, имевшими свой корень в древних общинах, и цирковыми партиями, которые были не только цирковыми, но и политическими организациями двух групп господствующего класса. Манойлович не различал в цирковых партиях руководящих групп, какими были у венецов землевладельческая аристократия, а у прасинов — денежная аристократия (огкупщики, богатые купцы) — от широких масс. Нельзя согласовать с утверждением Манойловича, что прасины были низшими классами, тот общеизвестный факт, что ряд императоров в V—VII вв. опирался на прасинов, им покровительствовал, их поддерживал. С точки зрения этой теории получилось бы, что Феодосий II, Зинон, Анастасий выступали выразителями интересов и защитниками „низших слоев“ населения, чего, конечно, в действительности не было. Таким образом, вопрос о димах и цирковых партиях и после появления работы Манойловича не мог считаться разрешенным.

Между тем, правильное разрешение этого вопроса имеет громадную важность: оно могло бы дать ключ к пониманию всей социальной структуры и социальных противоречий ранневизантийского общества.

Дальнейший крупный шаг в развитии вопроса о преодолении тех трудностей, на которые наталкивалась теория Манойловича,

¹ Geschichte des Byzant. Staates, S. 51.

сделал советский историк, профессор А. П. Дьяконов.¹ Социальная природа цирковых партий представляется А. П. Дьяконову сложнее, чем ее дает Манойлович. Путем тщательного исследования вопроса А. П. Дьяконов доказал, что византийские димы, так же как димы эллинистического и римского времени, были организациями того или иного городского квартала и района. Они выполняли там определенные хозяйственные и политические функции, следили за порядком и благоустройством своего квартала, объединялись обычно одной и той же профессией, селились обычно в одном квартале. В своей совокупности они претендовали на роль городского народного собрания. Местом их сбора и выявления их желаний обычно являлся городской цирк или ипподром, который, как и в древнем Риме, являлся любимым местом увеселения для народных масс в Константинополе и других крупных городах империи. Расходы на цирковые зрелища несли в провинции курии, богатые, президы; в Константинополе — консулы, преторы, представители знати и сам император. Но устроители зрелищ не могли каждый раз заново обзаводиться необходимым сложным оборудованием. Для этого, так же как в Риме, существовали специальные организации, бравшие подряды на устройство игр; каждая из них имела свои кассы, зверинцы, постоянные штаты возниц, актеров. Эти организации также назывались димами и различались по условным цветам одежды цирковых возниц, как венеты (голубые), прасины (зеленые), левки (белые) и русии (красные). Каждая из них старалась превзойти соперников постановками и одержать победу в конских ристалищах. Они-то и составили организационные ячейки, вокруг которых, согласно своим симпатиям, собирались димы и в таком расширенном виде превратились в более обширные самоуправляющиеся организации — гражданские и военные, своеобразные политические партии.

А. П. Дьяконов подтверждает вывод Манойловича, что в Константинополе, в старом до-константиновском городе высоко стояла над массой землевладельческая аристократия, составлявшая ядро венетской партии, хотя в венетской партии, кроме аристократов, были их клиенты и другие элементы населения. Дьяконов решительно отвергает взгляды Манойловича, считающего прасинскую партию социально однородной и причисляющего рабочих, моряков и коммерсантов одинаково к низшим классам. Он указывает, что

¹ А. П. Дьяконов. Византийские димы и фракции (*τὰ μέρη*) в V—VII вв., Византийский сборник, М. — Л., 1945, стр. 144—227. Выводы этой прекрасной работы легли в основу настоящей статьи. Автор ставит своей задачей изложение основных положений этой богатой выводами работы и их защиту. Он расходится с проф. Дьяконовым только по вопросу о времени падения политической роли партий цирка.

представление о господстве в Византии мелкого независимого ремесленного производства является неправильным. Законы императоров IV—VI вв. не оставляют сомнения, что большинство ремесленников работало в государственных и частных эргастриях. Владельцы последних эксплуатировали труд не только рабов, но и юридически свободных, а фактически зависимых ремесленников-корпорантов. Они же были одновременно и купцами, так как эргастрии торговали своими продуктами, и законодательство называло эргастриями также и торговые предприятия. Были крупные купцы, которые привозили товары из провинций, особенно восточных, — например, торговцы шелком, которые имели в Сирии и Финикии своих представителей, скупавших шелковые изделия у местных ремесленников. Было много судовладельцев, перевозивших разные товары из провинций в столицу. Наконец, были аргиропраты-серебренники и вместе ростовщики — их конторы также назывались эргастриями. Многие из этих откупщиков и предпринимателей были откупщиками государственных монополий и поставщиками государства, но многие вели и собственные дела. Однако и в том и в другом случае они одинаково должны были располагать большими деньгами, оборудованием и рабами. Эти группы, конечно, нельзя причислять к низшим классам: они не были аристократами по происхождению, но явно принадлежали к эксплуататорскому рабовладельческому классу. Таким образом, прасинская партия в подавляющем большинстве состояла из людей, занятых в торговле и промышленности, но руководящее положение занимала группа богатых купцов и промышленников. Конечно, нельзя преувеличивать значение этой социальной группы, так как хозяйство Восточно-римской империи в V—VII вв. было в основе натуральным, но сохранение значительных остатков торговли и промышленности в ней составляло характерную особенность Византии по сравнению с западными странами. Византийские торговцы и промышленники обслуживая нужды государства и аристократии, подобно римским всадникам, составляли особую не-аристократическую верхушечную группу. Между этой группой и аристократами-землевладельцами не было непроходимой грани, но и законодательство и авторы определенно различают две группы господствующего класса. Из среды прасинов выделялись такие выдающиеся политические деятели, как сириец Марин, Петр Барсиама, Иоанн Каппадокиец и другие деятели, выходящие, главным образом, из восточных провинций, игравших особенно важную роль в торговле и промышленности Византии. Заговор 559 г. против Юстиниана открывает нам целую группу участвующих в заговоре богатых аристократов, которые состояли в близкой связи с аристократией и имели свободный доступ ко двору.

Исходя из этой установки А. П. Дьяконова, своевременно поставить вопрос, до сих пор не поддававшийся разрешению, а именно: за что, собственно, и почему боролись между собой зеленые и голубые и что их разделяло.

Характеристика политического строя Восточно-Римской империи V—VII вв. как неограниченного самодержавия неточна. Политический строй империи в эти века представлял своеобразное сочетание трех факторов: монархии, аристократии, представленной сенатом, и собрания димов; сохранилось также влияние гвардии. Политическая роль димов усиливается по мере обособления Восточной империи от Западной.¹ Крупное землевладение и торгово-ростовщические элементы были заинтересованы тогда в сохранении и укреплении императорской власти. Ее известная прочность в это время доказывается тем, что все попытки политических переворотов в течение почти двухсот лет терпят неизменно крах. Но это не значит, что между двумя группами не было экономических и политических противоречий. Они были и постепенно нарастали.

Противоречия между зелеными и голубыми были прежде всего экономические и разделяли лишь руководящие верхушки партий. Аристократия не довольствовалась землей, но стремилась к обогащению также путем захвата торгово-промышленных предприятий. Как видно из новелл Юстиниана, владельцами эргастирий часто были церковные учреждения, архонты разных рангов, сенаторы, иллюстрии и кубикюлярии.²

Для торгово-промышленной (прасинской) группы это вмешательство аристократии было тем более тяжелым, что аристократы, получая привилегии, освобождались от налогов, и в результате, по признанию Юстиниана, непривилегированные владельцы эргастирий, а также ремесленники должны были платить налоги втрое-вчетверо больше нормы.

С другой стороны, аристократия страдала от вмешательства богатых не аристократов в землевладение. Так называемые перпетуарии (условные, наследственные землевладельцы), оказавшиеся несостоятельными в смысле обеспечения государству доходов со своих земель (и даже повышения этих доходов), лишались земельных владений в пользу более состоятельных, богатых. Таким образом, земля уплывала из рук старой аристократии и иногда переходила в руки не-аристократов по происхождению. Этот факт с негодованием отмечался еще во время Феодосия II, но особенно перемещение земель усилилось при Юстиниане.³

¹ Ch. Diehl. Le Sénat et le peuple Byzantin au VII et VIII siècles (Byzantion, I, 213).

² Nov. XLIII c. 1.

³ А. П. Дьяконов. назв. соч., стр. 196.

Интересы двух групп сталкивались в распределении между ними государственных налогов. Так, император Маркиан сократил налоги, лежавшие на крупном сенаторском землевладении и расходы аристократии, связанные с претурой, — он был любимцем венетов и ненавистен прасинам. Наоборот, Анастасий значительно увеличил земельные повинности введением „хрисотелии“ и „синоны“ и последовательным проведением эпиболэ, а с другой стороны, отменил „хрисаргирон“, лежавший на владельцах эргастирий, и передал сбор налогов откупщикам „виндикам“, т. е. богатым купцам и ростовщикам, отняв эту функцию у ктиторов-куриалов, чем, по словам Иоанна Антиохийского,¹ „отстранил аристократию и передал всю власть людям нечестным“. Естественно, Анастасий очень нравился прасинам и был ненавистен венетам. Наконец, землевладельцы, особенно те, которые оказывались несостоятельными, вероятно, подвергались иногда и прямой эксплуатации со стороны противоположной им группы в лице ростовщиков, постоянными услугами которых пользовался даже такой вельможа, как Велизарий.²

Легко себе представить, что эти отношения иногда превращались в ненависть к ростовщикам, особенно со стороны аристократической молодежи типа „стасиотов“ Прокопия, которые „многих кредиторов силой заставляли возвращать должникам расписки, не получившего из долга“.³

Политические противоречия были тесно связаны с экономическими. Монархия в Византии опиралась в первую очередь на крупное землевладение и была аристократической: сенат занимал первое место после императора. Из сенаторов большей частью вербовались высшие сановники. Демократическая торгово-промышленная группа должна была бороться за власть для защиты своих экономических интересов.

Были два пути, которыми демократические элементы могли проникать в правящие сферы: это — двор и финансовая бюрократия.⁴ С самого начала монархии состав двора подбирался из элементов более послушных, чем аристократия. Последняя тоже принадлежала ко двору, но не играла здесь главной роли. При византийском дворе еще со времен Константина крупнейшую роль играли евнухи — „препозиты царской спальни“, люди демократического и почти всегда восточного происхождения. Они были верными сторонниками монархии и умели организовать двор по восточному образцу. Такие

¹ F. H. Gr., Ioh. Ant., frg. 125.

² А. П. Дьяконов. Назв. соч., стр. 196.

³ Anecd. VII, 33.

⁴ А. П. Дьяконов. Назв. соч., стр. 197.

препозиты, как Евтропий, Хрисафий, Урбикий, Амантий, имели огромное влияние на императоров — непосредственно или через императрицу, — добивались высших государственных чинов и соответственным образом подбирали многочисленный штат своего ведомства (кубикюляриев). Евнухи были предметом ненависти со стороны аристократии не только как выскочки, не только потому, что они всегда стояли за автократию и третировали сенат, но и потому, что они принимали ближайшее участие в финансовой политике правительства, на что указывают постоянные обвинения их в „корыстолюбии“, и направляли эту политику против землевладельческой аристократии. Они помогали „расхищению“ ее владений, т. е. тому перемещению земельных имуществ, о котором говорилось выше. Например, Иоанн Антиохийский говорит о Феодосии II: «Неспособный ни мыслить, ни воевать, он доверял только любителям доносов — и особенно царским евнухам; благодаря им, можно сказать, все расхищали поместья».¹ Их финансовая политика больше отвечала интересам торгово-промышленной группы, на которую они, вероятно, опирались. Евнухи, как правило, были всегда на стороне прасинов.

Другим ведомством, куда проникали демократические элементы, была финансовая бюрократия. Финансовые политики в Византии играли особенно важную роль, и правительство, нуждаясь в опытных финансистах, естественно, находило их в среде торговой группы, и особенно на Востоке, где торговля была шире, чем в греческих провинциях. Отсюда вышли наиболее талантливые финансисты данной эпохи, как сириец Марин, Иоанн Каппадокийский, сириец Петр Барсиама. Что они вели политику, неугодную аристократии, это видно уже из той ненависти, с которой она к ним относилась. Марину аристократия была обязана радикальной переделкой финансовой политики при Анастасии не в ее пользу. Все эти лица, находившиеся в контакте с придворными евнухами, были на стороне прасинов. Иоанн Каппадокийский принадлежал к их факции. Марин был единомышленником „простата“ прасинов Платона. Петр Барсиама был монофизитом и, следовательно, тоже по меньшей мере сочувствовал прасинам. Политическая история V—VI вв. показывает неизменную связь между венетами и сенатом, с одной стороны, и прасинами и ведомством препозита и финансов — с другой.² Обе группы старались также опираться на придворную гвардию, которая делилась на две части. Старая гвардия (схолы) неизменно стояла на стороне сената. Новая гвардия (экскувиты), организованная из исавров при Льве I и особенно усилившаяся при Зиноне, иногда поддерживала

¹ Fr. 191 F. H. Gr. IV, 612.

² А. П. Дьяконов. Назв. соч., стр. 193.

группу, враждебную аристократии. Каждая группа в момент династических кризисов старалась провести на императорский трон своего кандидата. В таких случаях на избирательных собраниях сената, в которых участвовали и высшие архонты и высшие чины двора, происходила борьба партии сенаторов (венетов) и партии двора (прасинов).

Нужно заметить, что полного единства не было и в руководящих группах обеих партий. Землевладельцы были светские (сенаторы и ктиторы) и духовные (церкви и монастыри). Последние составляли сильную конкуренцию первым со времен Константина. В торгово-промышленной группе также естественно предполагать конкуренцию. О такой конкуренции определенно говорит крайне враждебное отношение прасинов к евреям в Антиохии, Александрии, известное еще в римскую эпоху. В византийские времена, под флагом христианства, борьба прасинов против евреев еще более усиливается. При Зиноне антиохийские прасины не один раз убивают евреев, жгут их синагоги. Эту вражду нельзя объяснить иначе, как конкуренцией сирийских купцов, т. е. руководящих групп прасинов, с купцами-евреями. Вражда была настолько сильна, что евреи на ипподроме занимали скамьи на стороне венетов, — очевидно, потому, что землевладельцы относились к ним терпимее.

В той и другой группе были также расхождения тактические, т. е. одни были склонны бороться лояльными средствами, другие были более агрессивны. Они провоцировали свою молодежь и рядовых димотов на мятежные выступления, которые были, впрочем, направлены не против правительства, а против враждебной факции, или против той части своей факции, которая держалась лояльной тактики. Так при Юстине появились стаскоты и антистаскоты о которых рассказывает Прокопий.¹

Важную роль в борьбе факций играли религиозные противоречия. Восточные ереси (несторианство, особенно монофизитство) были знаменем борьбы угнетенных восточных народностей против византийского господства, так как они представляли восточную концепцию христианства, противоположную греческой. Таким образом, на Востоке народные массы были почти сплошь „еретическими“. Наоборот, в греческих провинциях религиозной традицией было греко-римское христианство, т. е. православие. Для руководящих групп факций, за исключением духовенства, религиозные вопросы не имели самостоятельного значения. Часть греко-римской аристократии (особенно интеллигенция) относилась к христианству равнодушно и свысока, предпочитая ему культурные традиции античности.

¹ Anecd. VII, 2.

Это настроение, которое сквозит почти у всех светских авторов эпохи (Прокопия, Иоанна Лидийца, Менаандра, Симокатты), приводило иногда к обвинению аристократов в язычестве. Но было бы странно, если бы факции не использовали для своих целей религиозной борьбы, которая в V—VII вв. буквально потрясала всю империю, когда „православие“ или „монофизитство“ императоров обозначало определенное направление всей их политики.

Для стоявшей во главе венетов землевладельческой группы, которая не только в греко-римских провинциях, но и на Востоке была преимущественно греко-римской, греческое „православие“ было, естественно, единственно приемлемой религией, и уже по одному этому, а также потому, что среди торгово-промышленной группы преобладали восточные элементы, руководящая группа прасинов держалась монофизитства. Религиозная позиция прасинов давала им полное преимущество на Востоке, где массы в огромном большинстве были монофизитскими. Здесь греко-римской землевладельческой группе приходилось опираться главным образом на войско. Иначе обстояло дело в греческих провинциях, и в столице. Здесь коренное население было греческим, следовательно, по традиции, православным, независимо от того, принадлежало ли оно к венетам или прасинам. Это обстоятельство давало преимущество руководящей группе венетов и, наоборот, мешало руководящей группе прасинов проводить в столице ту религиозную политику, которую она использовала в Антиохии и Александрии, тем более, что в составе самой этой группы были, вероятно, греческие элементы, по традиции, православные, хотя и связанные экономически с восточными элементами.

Поэтому монофизитская группа прасинов в столице ведет очень осторожную политику, опасаясь вызвать противодействие со стороны масс своей собственной партии. Она старается действовать через правящие верхи, через могущественное ведомство „препозита“, которое всегда было опорой „восточного“ христианства. Евтропий, Хрисафий, Урбикий, Амантий — все держались восточной ориентации. Они подчиняли своему влиянию прежде всего императриц (Евдоксию, Ариадну, Феодору), а иногда и императоров, которые колебались между восточным и западным курсом в религиозной политике и иногда, в силу политической конъюнктуры, должны были держаться восточного курса (Феодосий II, Зинон, Анастасий, Ираклий).¹ Успешно могли использовать религию прасины в другом направлении. Сила восточного христианства заключалась в том, что оно более решительно, чем православие, выступало против эллинизма.

¹ А. П. Дьяконов. Назв. соч., стр. 201.

Между тем греко-римская аристократия в той или другой степени была склонна к „эллинству“. В Византии уже в V в., а главным образом в VI в., после известного закона Юстиниана против язычников, было немало судебных процессов по обвинению в „эллинстве“. Тот факт, что жертвами процессов были всегда соперники прасинов — греко-римские аристократы, — дает основание предполагать, что дело не обходилось без участия прасинов.

Сила прасинов была в богатых, с крупными промышленными центрами, восточных провинциях, в которых они имели безусловный перевес и которые тем более интересовали императоров, что грозили отпадением от империи. Наоборот, для венетов, господствовавших в западных провинциях, было благоприятным моментом, если политика императоров обращалась на Римский Запад, где господствовала земельная аристократия. Домогательства партии и политическая конъюнктура заставляли императоров обращать свое внимание то больше на Восток, то на Запад. В результате, политика императоров в V—VI вв. представляет постоянные колебания, и в ней можно отметить два направления. Одни императоры преимущественно держатся восточной ориентации, борются с варварами золотом и дипломатией, опираются больше на двор, чем на сенат, поддерживают монофизитов и вместе с тем покровительствуют прасинам (Феодосий II, Зинон, Анастасий). Они опираются не на „низшие классы“, как думает Манойлович, а на откупщиков, банкиров, владельцев эргастирий, тесно связанных с восточными провинциями. Другие императоры преимущественно держатся западной ориентации, больше внимания уделяют войску, чем финансам, с варварами борются военной силой, пытаются восстановить рабовладельческие порядки на Западе, ведут борьбу с монофизитом и являются сторонниками венетов (Маркиан, Лев, Юстиниан I, Юстин II).

Таковы были противоречия между двумя руководящими группами обеих партий. Рядовым димотам и примыкавшим к ним партиям (не димотам) было мало дела до экономических и политических притязаний землевладельцев и купцов. Эти массы, социально однородные и даже тождественные (поскольку и здесь и там были ремесленники и плебс), имели более глубокие классовые противоречия с руководящими группами в той или другой партии. В V—VI вв. в Византии происходило несколько запоздавшее здесь разложение рабовладельческого хозяйства и, вместе с тем, постепенное закабаление, в возмещение рабского труда, еще значительных на Востоке групп свободных или зависимых только от государства производителей как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. При

сохранении значительных элементов торговли, когда часть продуктов поступала на рынок, эксплуатация была особенно тяжела. Внешнее положение государства и пагубная внешняя политика императоров, направленная к несбыточной мечте восстановления рабовладельческих порядков на Западе, требовали огромных средств для ведения постоянных войн, содержания дорого стоящей наемной армии, для уплаты дани варварам. Фискальный гнет, ложившийся больше на народные массы, чем на привилегированные группы, достигал огромных размеров. Очень часто население страдало от рекрутчины, и все-таки государство не в состоянии было защитить территорию империи от варваров. Грабительство и административный произвол чиновников еще больше отягощали положение народных масс. Естественно, что соперничество руководящих групп в сравнении с этими противоречиями могло играть только второстепенную роль.

Является вопрос: что же все-таки связывало массы с этими группами и разделяло их на две партии? Во-первых, старая традиция димов: богатые люди по античной традиции руководили димами и несли „литургии,“ для своего дима; во-вторых, экономическая зависимость ремесленников от купцов и предпринимателей; клиентов, колонов и тоже ремесленников — от землевладельцев; наконец, те особые средства, которые принимали руководящие группы при содействии правительства, для того чтобы привлечь на свою сторону массы. Первым средством была организация зрелищных состязаний, которые раскалывали зрителей на две враждебные группы. Затем использовалась религиозная и межплеменная рознь (православные и еретики, греки и евреи). Таким образом, социальный состав царковых партий был более сложен, чем его представляет Манойлович, а потому более сложны были и те противоречия, которые вызывали весьма различные по характеру движения димов. Часты были междоусобия партий, имевшие спортивный характер, борьба за места, за подарки. Эти движения были стихийны. Более серьезный характер носили столкновения преднамеренные и подготовленные руководящими группами. Большинство их падает на правление Анастасия и Юстиниана I, когда происходили наиболее важные экономические и политические перемены, обострявшие противоречия между руководящими группами.

Имели место мятежи, восстания одной партии против правительства в то время, когда другая оставалась пассивной. Инициатива здесь принадлежала руководителям партии, которые хотели заставить императора изменить неугодную им политику или прямо его свергнуть. Но в таких восстаниях были, очевидно, заинтересованы (по другим, более глубоким причинам) и рядовые димоты. Таков был

мятеж прасинов, поднятый в 470 г. против Аспара, враждебного Зинону и Исаврам. К этому типу относится восстание сенатора Маркиата против Зинона в 479 г., — очевидно, восстание венетов.

Неоднократно имели место совместные политические выступления цирковых партий. Они редко были следствием соглашения руководящих групп, так как их политические цели были почти всегда различны. Такие соглашения можно предполагать в тех случаях, когда обеим фракциям угрожала захватом власти чуждая сила — варвары. Так димы, — очевидно, без различия партий — в 400 г. выступили против Гайны, а в 469 г. — против намерения Льва I сделать своим наследником сына Аспара.¹ Но почти все совместные выступления обязаны рядовым димотам, которые действуют вне руководства вождей и, увлекая за собой не-димотские массы, выступают не только против правительств, но и против всего господствующего класса. Не все совместные выступления димов были одинаково значительны, и поводы для них были различны: производ администрации, недостаток снабжения, религиозная политика, фискальный гнет, общее недовольство политикой императора. Но некоторые выступления разрывались в настоящие восстания, потрясавшие императорский трон.

Борьба димов и цирковых партий была сложной и многообразной, но основная линия борьбы была не между цирковыми партиями, а между народными массами и распадавшейся на две группы верхушкой общества. Самыми крупными восстаниями димов этого периода были восстания димов 511 и 513 гг. при Анастасии и восстание Ника в 532 г. В том и другом случае повод к восстанию дали руководящие группы цирковых партий, но они переоценили свое влияние на массы, и восстания обращались против них самих. В восстаниях при Анастасии массы скоро освободились от контроля руководящих групп и пошли гораздо дальше тех целей, которые ставили себе их вожди. Знаменитое восстание Ника (532 г.) также не было восстанием прасинов и венетов. Это было восстание димов не только против правительства, но и против обеих групп господствующего класса. Официальная версия, сохранившаяся у Марцелина, будто восстание было делом племянников Анастасия, нужно было Юстиниану только на первое время, чтобы скрыть истинные причины восстания. Рассказ пасхальной хроники о том, что Ипатий, уже находясь в царской казнице, пытался предать восставших Юстиниану, находит полное подтверждение в том факте, что лица, которые должны были установить связь между Ипатием и Юсти-

¹ Migne. LXVI, с. 1260; *ibid.* CXVI, с. 74.

чианом, но этого не сделали, были потом наказаны.¹ Сенаторы, оказавшиеся в критические дни вне дворца, вынуждены были подчиниться восставшим, чтобы спасти свои дома, и действовали так же предательски, как Ипатий. 18 патрикиев и иллюстриев, привлеченных в связи с восстанием, подверглись только конфискации имущества и изгнанию.

Такой же характер носило восстание димов 602 г., приведшее к свержению Маврикия, — первое в истории Восточно-Римской империи победоносное восстание. Этот переворот сопровождался для Восточно-Римской империи неисчислимыми последствиями, а именно крахом мировой рабовладельческой империи и превращением ее в средневековое греческое царство. Особенность этого восстания в том, что оно началось среди войск на дунайской границе.

Параллельно происходило движение димов в столице, но димоты выступили здесь опять-таки независимо от руководителей партий, которые до прихода мятежных войск во главе с Фокой оставались лояльными по отношению к Маврикию.

Против социальной теории димов Острогорский выдвигает как самый сильный аргумент тот факт, что голубые поддерживали Фоку, что было бы невозможным, если бы они действительно представляли аристократические круги населения. Но Острогорский не дает себе труда достаточно разобраться в вопросе, действительно ли венеты поддерживали Фоку в период 602—610 гг.

События 602—610 гг. характерны тем, что они ярко показывают разложение господствующего класса, который, раздираемый непримиримыми противоречиями, уже не мог управлять по-старому, так же как угнетенные массы не могли больше по-старому жить. Несмотря на провенетскую политику Маврикия, венеты были недовольны повышением налогов и непотизмом Маврикия, раздававшего земли своим многочисленным родственникам. Еще больше недовольства проявляли прасины из-за антимонофизитской и провенетской политики Маврикия.

Попытки Ивонны Янсенс доказать, что Маврикий покровительствовал зеленым, искусственны и неубедительны.² Источники нигде не говорят, что венеты поддержали солдатского избранника Фоку и помогли ему стать у власти. В 602 г., когда уже стало известно о восстании войска на дунайской границе, Маврикий для успокоения умов устроил цирковые зрелища. Венеты здесь были безусловно лояльны, приветствуя императора эвфимиями и пожеланиями победы. Наоборот, прасины сочли удобным в этот критический момент

¹ Chron. Pasch. 624—625.

² J a n s s e n s. Les Bleus et les Verts. Byzantion, 1936, XI, 499.

12 Византийский Временник, том, I (XXVI)

жаловаться на префекта претория Константина Лардиса, друга императора, отказывая тем самым правительству в своей поддержке. Восстание против Маврикия в Константинополе подняли рядовые димоты, но актуальную роль в этом восстании играли прасины. Во всяком случае у Феофана сохранилась подробность, что именно прасины сожгли дом префекта претория Лардиса. На сторону Фоки перешла прежде всего прасинская факция.

Что же касается венетов, то даже после провозглашения Фоки, на коронации его жены Леонтии венеты были оскорбляемы правительственными чиновниками и в сильном возбуждении угрожали Фоке, напоминая, что Маврикий еще не умер. После убийства Маврикия венеты вместе с командным составом войска имели своим кандидатом на императорский престол родственника Маврикия — Германа, но попытка договориться об этой кандидатуре с прасинами не имела успеха, и прасины, отвергая кандидатуру венета Германа, стали на сторону Фоки. Поэтому Фока стал императором прасинов и оставался таковым почти до самого конца своего правления, до 609 г.¹ Венеты до 609 г. не только не поддерживали Фоку, но, напротив, подвергались с его стороны жестоким репрессиям. Обращенный еврей Яков, который признается, что до своего крещения делал зло христианам, вмешиваясь в борьбу партий то как прасин, то как венет, определенно говорит, что с воцарением Фоки венеты подверглись жестоким преследованиям, и он, Яков, содействовал усилению этих репрессий. „Когда воцарился Фока, — пишет Яков, — я, как прасин, предавал христиан как венетов и называл их иудеями и мамзирами“.²

Дальше идет сплошной ряд заговоров венетской аристократии против Фоки, а именно: два заговора императрицы Константины и Германа в 603 и 605 гг., заговор епарха Феодора и, наконец, заговор Приска, зародившийся в 607 г.

Острогорский и Янсенс полагают, что в 603 г. произошло будто бы восстание прасинов против Фоки и что с этого года партией Фоки становятся уже венеты, а не прасины. Но это простое недоразумение. Пасхальная хроника под 603 г. рассказывает о репрессиях Фоки против Константины и Германа, очевидно в результате их заговора, о котором сообщает также Феофан,³ и затем продолжает: „Потом (εἴτα), во время происшедшего народного восстания (στάσις δημοτική) была сожжена Меса от дворца Лавса . . . до форума Константина . . . Сожжен же был между преторием городского епарха

¹ А. П. Дьяконов, назв. соч., стр. 224.

² Doctrina Jacobi, hrsg. v. Bonwetsch, I, 40, p. 39.

³ Theoph., ed. Bonn, 293.

и форумом диэкета факции прасинов Иоанн по прозвищу Крукис".¹ Так как „Доктрина Якова“ говорит совершенно определенно, что Месу сожгли прасины,² то это восстание не могло быть восстанием венетов, связанным с заговором, как думает Перетти, так как со стороны венетов было бессмысленно разрушать свои гитонии.³ Из сопоставления сообщений Феофана с Пасхальной хроникой становится совершенно ясным, что прасины, узнав о заговоре венетов в пользу ненавистного Германа, по обычаю бросились в гитонии венетов на Месе и сожгли их. Это было восстание не прогив Фоки, а против венетов. Но это было нарушение порядка „димократия“, и Фока не мог примириться с фактом такого грубого самоуправства — сожжения главной улицы столицы и должен был покарать виновных в этом самоуправстве прасинов. Что касается Крукиса, то, по прямому смыслу приведенного места Пасхальной хроники, и Меса и Крукис были сожжены восставшими, т. е. прасинами, а не венетами, как думает Янсенс. Меса никогда не была местом казни, а прасины уже давно ненавидели своего диэкета, как об этом свидетельствует Феофан.⁴

Настоящее восстание прасинов против Фоки произошло только в 609 г., почти накануне падения солдатского императора, и тогда они были лишены права *πολιτευσσαι*, т. е. перестали быть партией императора. Отсюда утверждение Острогорского о том, что венеты будто бы поддерживали Фоку, является совершенно ошибочным. Что касается религиозной политики Фоки, то защитником „православия“ сделал его только папа Григорий I, который восторженно прославлял этого убийцу ненавистного ему Маврикия больше всего потому, что он запретил константинопольскому патриарху именоваться „вселенским“. Применяясь к населению греческих провинций и особенно столицы, Фока был православным, но до 609 г. он предоставлял полную свободу и восточным монофизитам.

В 609 г. произошли существенные перемены в отношениях между партиями и императорами. Когда в Африке началось восстание экзарха Ираклия, к нему примкнули в Африке, а потом в Египте прежде всего прасины. Тогда во всех восточных провинциях началось движение прасинов против столь долгого господства греко-римских землевладельцев-венетов. Начались кровавые избиения венетов прасинами в городах Востока и Египта.

¹ Chron. Pasch., 695; А. П. Дьяконов, назв. соч., стр. 224.

² Doctrina Jacobi, I, 40, 39.

³ Pareti, *verdi e arrivii al tempi di Foca*. Studi Holiani di Filol. Class., XIX, 1912, 305.

⁴ Theoph. Chronogr., 287.

Потом, когда Фока послал на Восток в Египет карательную экспедицию Воноса, начались избиения прасинов, а вместе и монофизитов. Столичные прасины, которые всегда опирались на восточные провинции, естественно, выступили на их защиту. Отсюда восстание прасинов 609 г. в Константинополе. Что касается венетов, то они разделились, как это было и в Египте. Часть аристократии, во главе с Приском, еще в 607 г. завела сношения с Ираклием и настойчиво побуждала его к восстанию. Может быть, это была и вся аристократия, рассчитывавшая, что восстание даст корону Приску (Theoph., 295). Но не посвященные в заговор рядовые димоты венетской партии, терроризированные кровопролитиями на Востоке, естественно, не доверяли прасинскому кандидату Ираклию и колебались его поддерживать, хотя и не собирались защищать Фоку. И действительно, когда флот Ираклия-сына подошел к столице, Фока оказался совершенно беззащитным. Таким образом, даже в последний год правления Фоки нельзя говорить, что венеты поддерживали Фоку. Из указанного видно, что самый сильный аргумент Острогорского против социальной теории димов оказывается совершенно бездоказательным.

Когда я в 1940 г. указал в своей „Истории Византии“, что „голубые“ были землевладельческой аристократией, а „зеленые“ — торгово-промышленной группой, мои взгляды вызвали возражения А. К. Бергера, который в „Историческом журнале“ (1941 г., № 3, стр. 140) утверждал, что никакие источники не подтверждают этой теории, и доказывал, что под флагом „голубых и зеленых“ могли выступать разные социальные группы. Однако возражения Бергера и Острогорского основаны на недоразумении. Можно легко привести ряд показаний источников, которые ясно и недвусмысленно указывают на классовую природу цирковых партий. Так, например, у Малалы прасины прямо отождествляются с эргастиряками, т. е. людьми эргастирий. Малала рассказывает, что в 559 г. венеты жгли приморские склады прасинов в Зевгме, но потом „они получили разными способами отплату со стороны самих людей эргастирий“, которые, „охваченные соревнованием“, сожгли икию венета Андрея в Неории.¹ Манойлович понимает эргастиряков как рабочих. Однако в Законах и у авторов рабочие и ремесленники обычно называются иначе. Слово „эргастиряки“ обозначает всех вообще людей, имеющих отношение к „эргастирии“, т. е. к торговле и промыслам, и даже в первую очередь владельцев эргастирий. Явно однозначный латинский термин *ergasiotani* в законе 396 г.² обозначает именно приви-

¹ M a l. Chronographia, 491.

² Cod. Theod., XIV, 27, 1.

легированных корпорантов, а не рядовых рабочих. В случае, о котором рассказывает Малала, когда венеты подожгли склады, мстить им за это имели основание в первую очередь владельцы складов, а владельцами были, конечно, не рабочие. Сообщение Малалы подтверждается Иоанном Никиусским. Когда во время восстания Ираклия против Фоки в Египте начались военные действия между Никитой и Воносом, прасины Египта, воспользовавшись, как предлогом, этой войной, „поднялись и причинили обиды венетам“. У Иоанна Никиусского, в переводе Charles, мы читаем буквально следующее: „And taking advantage of the war between Bonosus and Nicetas the artisans guilds arose and perpetrated outrages on the Blues“.¹ Мы видим, что имя зеленых здесь заменено термином the artisans guilds (ремесленные корпорации). Это показание определенно подтверждает наше положение, что партия зеленых слагалась преимущественно из торговцев и ремесленников. Это же подтверждает и Пасхальная хроника. Рассказывая о путешествии Ираклия в Гераклею в 621 г., она говорит, что Ираклий отправился туда в сопровождении ктиторов и клириков из дима венетов и эргастириаков из дима прасинов.² Здесь промышленники наравне с ктиторами выделяются из общей массы димотов, очевидно как привилегированные группы. Одним из ценных источников по истории димов при Фоке является так называемое „Учение новокрещенного Иакова“, написанное в 634 г.³ Этот источник определяет классовую сущность димов совершенно так же, как Малала, Феофан и Иоанн Никиусский. Так, например, у Иакова прасины отождествляются с ткачами. Мы читаем: „Ὁ Ἰάκωβος δὲ οὗτος ἀνατολικός ἐστιν τῷ γένει ὡς ἐδάρρησεν μοι; πολλὰ δὲ κακὰ ἐποίησεν τοῖς χριστιανοῖς“ καὶ ἐν Ῥόδῳ τῇ πόλει ὡς πράσινος μετὰ τῶν ἀρμενοράφων κακὰ ἐποίησε τοῖς ἀπὸ ἀνατολῆς φεύγουσιν βενέτοις“ καὶ παρεδίδου αὐτούς τοῖς ἀρμενοράφοις ὡς ἀνθρώπους τοῦ Βονόσου καὶ ἐβαχλίσοντο“.⁴ („Яков был восточного происхождения, как он мне подтвердил. Он сделал много зла христианам. И в городе Родосе, как прасин, вместе с корпорацией ткачей он делал много зла бежавшим с Востока венетам и выдавал их ткачам, как людей Воноса, и их избивали“).

Таким образом, у Якова прасины на острове Родосе, избивающие бегущих с Востока венетов, выступают как ἀρμενοράφοι, т. е. ткачи. Так же ясно и недвусмысленно определяют источники и классовую природу венетов. Для примера возьмем хорошо известное сообщение Феофана от 694/5 г. о свержении Юстиниана II. „В этом

¹ A. H. Charles. The Chronicle of John bishop of Nikiu, Lond. 1916, p. 175.

² Chron. Pasch., 712.

³ J. Nik. 108, p. 550; А. П. Дьяконов, назв. соч., стр. 225.

⁴ Doctrina Jacobi, ed. Bonnwetsch, p. 82.

году, — пишет Феофан, — был свергнут с престола Юстиниан следующим образом: он приказал Стефану патрикию и стратигу, по прозвищу Русий, ночью перебить константинопольский народ (τὸν δῆμον), начиная с патриарха“.¹ Брукс думает, что здесь нужно разумеать дим венетов, т. е. партии голубых.² Эта догадка Брукса в настоящее время может быть мною подтверждена прямым свидетельством Георгия Амартола, который говорит: στασιάσας Λεόντιος ὁ πατρικιος ἀναγορεύεται νυκτὸς ὑπὸ τοῦ δήμου τῶν Βενέτων Βασιλεύς.³ Таким образом был свергнут Юстиниан II и был поставлен у власти Леонтий. Источники так же ясно и недвусмысленно показывают, какова была классовая природа голубых, свергнувших Юстиниана II, а именно, единогласно свидетельствуют, что Юстиниан был свергнут знатными, родовитыми, аристократами. Эти известия также до сих пор в исторической литературе не фигурировали.⁴ Так, Михаил Сириец, яковитский патриарх Антиохии (1116—1119) говорит: „Юстиниан показал себя полным строгости по отношению к знати (envers les grands à l'empire). Они его схватили и отрезали нос, затем заперли в тюрьму“. „Он (Юстиниан) столько убил, что знатные и великие были на грани исчезновения из империи. Вот почему они собрались против него“.⁵

У Абульфараджа мы читаем: „Юстиниан начал убивать римских магнатов. По этой причине восставшие его схватили, отсекали нос“.⁶ Масуди (Le livre de l'avertissement) говорит: „Юстиниан предал смерти много знатных патрициев (notables et patriques). Они составили тогда заговор против него и убили его“.⁷ Знают об этой борьбе Юстиниана с магнатами и армянские источники, например Kirakos de Kantzak (XIII в.), который пишет: Юстиниан „fût attaqué par ses grands“ и пр.⁸ Таким образом, источники совершенно ясно и недвусмысленно свидетельствуют и о классовой сущности партии венетов. Следовательно, утверждения Острогорского и Бергера об отсутствии указания источников о социальной природе димов являются совершенно ошибочными.

Свидетельство Георгия Амартола о том, что именно дим венетов сверг Юстиниана II, является важным и в другом отношении. Оно опровергает общераспространенное среди византинистов

¹ Theoph. Chronogr., ed. de Boor, p. 368.

² Cambr. Med. Hist., II, 1913, p. 409.

³ Χρονικὸν σύγγραμμον, ed. de Boor, II, 731.

⁴ Впервые их собрал ленинградский историк А. Елизаров в своей монографии „Юстиниан II Ринотмет“.

⁵ Chronique de Michel le Grande, éd. Chabot, 1901, XII, p. 59.

⁶ Gregorii Abulpharagii sive Bar. Hebr., Chron. Syr., 118.

⁷ Ibid., 225.

⁸ Kirakos de Kantzak. Hist. trad. Brosset, 1870, I, p. 34.

(Янсенс, Братиану, Дьяконов) мнение, что правление Ираклия является временем падения политической роли партий цирка.¹ Свидетельство Амартола показывает, что партия голубых играла крупнейшую политическую роль и в самом конце VII в. Это сообщение еще раз подчеркивает, что царствование Юстиниана II было периодом острой, кровавой и беспощадной борьбы императорской власти с крупной землевладельческой знатью. Таким образом, вопрос о конце политической роли партий цирка в Константинополе должен быть решен иначе, чем он решался до сих пор в исторической литературе.

---

¹ А. П. Дьяконов, назв. соч., стр. 227.